

ДВА ГЕНЕРАЛА

Быль из далекого прошлого

Погожее утро начала августа; время близится к девяти часам. В обширной усадьбе действительного статского советника Ивана Ивановича Чернилина уже давно все проснулись, и деревенская жизнь кипит своей обычной чередой, но сам владелец еще безмятежно похрапывает на широкой дедовской кровати.

- Ваше превосходительство, ваше превосходительство! – будит генерала благообразный камердинер из крепостных, - Изволили приказать разбудить в половине девятого, а сейчас скоро девять...

- Пшел! – отмахивается разоспавшийся генерал.

- Ваше превосходительство! Щенков сегодня изволите делить...

- Щенков?! Да, да! – сразу очнулся Чернилин, - Который час?

- Девять, ваше превосходительство. Его превосходительство Николай Алексеевич, уж изволили, небось, к нам выехать. Часа через два будут.

- Раньше будет! Умываться... Впрочем, нет, я – так... На дворе что?

- Погода, ваше превосходительство.

- Ну, так я того... В сад... Пошли сейчас Ермолая, чтобы к щенкам шел.

- Ермолай давно возле шалаша, ваше превосходительство.

Всунув ноги в туфли и надев халат, Чернилин, несмотря на свой почтенный пятидесятилетний возраст, с необыкновенною живостью юркнул в кабинет, а оттуда на балкон, выходящий в парк, где у него ежегодно помещались по шалашам суки со щенками.

- Здравствуй, Ермолай! – кивнул генерал на почтительный, но не раболепный поклон доезжачего. Очевидно, охотник пользовался особым расположением барина. – Ну, как щеночки?

- Вот они, сами изволите видеть, - и Ермолай подсвистнул двух – двух с половиной месячных щенков.

- Да-а, - протянул генерал, умачиваясь на устроенную возле шалаша скамейку, - А, ну-ка, Ермолай, подсвистни и пробегги.

Ермолай бегал перед скамейкой, а за ним бегали щенки.

- Гм! – многозначительно произнес генерал, - вот этот красно-пегий на бегу, как будто крючит правило... А широк... Задище-то какой! И голова ровна и длинна...

- Воля ваша, а лучший это щенок! Правило, точно, круто держит, так по такому заду, так и быть должно. Потом спустит. А, вон, белая сучка за этим кобельком второй будет: голова, глаза, колодка – во всех статях сука! За нее, да за красно-пегого, всех щенков отдать можно...

- Хо-ро-ши, да-а, - тянул в раздумье генерал, нагибаясь к крупному половому кобельку, но несколько пряслому. – А, помнишь Поражая? Вот, такой же пряслица был, а как к двум годам свернулся!

- Как, Поражая не помнить! Сами изволите знать, что теперь ошибиться, вот так можно! – и, сразу изменив тон на самый удрученный, Ермолай прибавил: - Своими, значит, собственными руками хороших отдать, а себе дрянь оставить... вот, тут и выхаживай и выкармливай для чужих!

Генерал с сосредоточенным видом продолжал рассматривать щенков, но, очевидно, слова Ермолая попали в самое больное место. Наконец, спустившись со скамейки на землю и лаская щенков, он нерешительно, с запинками проговорил:

- А ты, Ермолай, того... красно-пегого, белую и этого вот, полового поерошь, ушки того... маслицем поразлапуши – они хуже и покажутся...

- Да разве Николай-то Алексеевича проманешь? Да он в собаках сам десятерых проведет! Еще хуже сделаем – отличку лучшим выкажем. Уж лучше дозвольте Ерзиного заместо красно-пегого подложить.

- Что-о?! – поднимаясь с земли и грозно сдвигая брови, проговорил генерал.

- Ерзиного, говорю, дозвольте сюда принести, а Шельминого – к Ерзе, - словно не замечая барского гнева, повторяет Ермолай.

- Да, как ты смеешь мне такие предложения делать! А? – запахивая полы халата и наступая на Ермолая, горячился генерал.

- Если не кобеля, то хоть сучку белую схоронить надо, потому беспрременно ее Николай Алексеевич облюбует, - отступая от генерала, продолжает Ермолай.

- Тьфу ты, мерзавец! – отплюнулся генерал, - Думать не моги! Запорю! Под красную шапку отдам!

- Подлецы! – ворчал генерал, идя к дому, - Недосмотри только, - осрамят, в глазах обменят щенков.

«Вот и соблюдай господские антиресы! – укоризненно качал головой Ермолай. «Запорю, под красную шапку» - это после двадцати-то лет службы верой и правдой! И, чего у чужих сук вязать? Диво бы, своих кобелей не было. В прошлом году нашими же собаками нам нос утерли! Что я дурак, что ли, чтобы от такой суки, как Шельма, щенков в дележ пустил? Жаль вот, белую сучку не переложил... ледащая сука была, а вишь, что стало. Ну, может нам достанется. Назарыч, небось, приедет, да у меня не пообедает. У него тоже Выручай и Урывай страсть на нашего Похвала похожи, а говорят, от своих собак», - и, продолжая ворчать, Ермолай стал обходить остальные шалаши со щенками.

Светает.

- Эй! – властно несется по всему почти дому возглас генерала в отставке Николая Алексеевича Баранова. Это «эй» - столь внушительное своей краткостью, мигом заставляет вскакивать не только весь штат многочисленной прислуги, но и экономку (генерал был холост) Елизавету Дмитриевну, особу во всех отношениях приятную и заслужившую особое благоволение Баранова.

- Окно! – командовал генерал, любивший освежать свою спальню тотчас же, как вставал; летом – через окно, зимой – форточкой. – Бриться, - неслоь вслед за этим, - и Назарыча!

- Назарыч здесь, ваше превосходительство.

- Зови! – намыливая щеки (генерал всегда брился сам), приказывал Баранов и вскоре входил в кабинет в самом «легком» костюме, в котором он, впрочем, нередко разгуливал и по селу, заставляя краснеть молодых поповен, дочерей местного священника.

«Генерал идет!» - проносилось в таком случае по селу, и, действительно, генерал в туфлях, надетых поверх суровых нитяных носков, в нанковых полосатых кальсонах, в ночной сорочке и в военной фуражке на голове, шествовал по улице села, зорко оглядывая все и тотчас же замечая упущения и беспорядки. Обыкновенно «репрессалии» после такого инспекторского смотра следовали вечером, и главными ответственными лицами являлись бурмистр и староста. А порядок у генерала был заведен образцовый, и крестьяне, несмотря на его вспыльчивость и строгость, благодумствовали под бдительным генеральским оком.

- Здравия желаю, ваше превосходительство! – приветствовал Назарыч генерала.

- Здорово, братец!

- На псарных дворах все обстоит благополучно, - докладывал Назарыч, - в отсадку запер Жажигу.

- Ну, а как у нас щенки?

Надо заметить, что Баранов смотрел щенков только при рождении, затем месяца через два, когда они уж отнимались от матерей, и регулярно – каждое первое число в последующие месяцы до году. «Когда щенки растут на глазах, - говаривал генерал, - глаз привыкает, и недостатки не так скоро заметишь». Осмотр щенков всегда происходил в большой оранжерее и длился несколько часов, так как осматривались не только щенки поодиночке и целыми пометами, но и сравнивались лучшие, причем весьма часто приводились и родители щенков. Гостям-охотникам Баранов никогда непогодовавших щенков не показывал, за исключением Чернилина, в котором признавал опытного и страстного охотника; случалось, однако, что и от последнего он скрывал выдающегося по статям щенка и показывал его полуторагодовалым, перебравшимся и уже одетым. Показ такой собаки Барановым назывался «праздником души» и приглашались ко дню показа только избранные охотники.

- Щенки, ваше превосходительство, слава Богу. Леткины почитай совсем перебрались, и такой-то меж ими кобель задался – на удивление!

- Это чубарый?

- Никак нет. Хорош и чубарый, а супротив красно-пегого не выйдет.

- И головой лучше?

- И головой. А уши – либо конем, либо на затылок соберет одно на одно.

- Но ведь он был прямостеп?

- Собирается. А на игре, вот как спину выгибает – колесом! Прикажете принести, ваше превосходительство?

- До первого, братец, до первого. Мы сегодня едем в Знаменское щенков делить.

- К его превосходительству генералу Чернилину?

- Да, к генералу.

Легкая усмешка скривила губы Баранова, когда он произносил «к генералу». Дело в том, что Баранов, как военный, не признавал чина «генерал» у штатских и, несмотря на свою дружбу с Чернилиным, иногда в приятельской компании называл его «действительным чернильным советником».

- Слушаю, ваше превосходительство.

- Ты поедешь со мной; ящик для щенков – на подводку; с подводой – Мишка. Выезжаем через час. Понял?

- Понял, ваше превосходительство! – и Назарыч отрос от притолоки, собираясь уходить.

- Постой, - нерешительно остановил его генерал, мелкими шажками заходя по кабинету. – Теперь Шельминым щенкам сколько времени? Два месяца, кажется?

- Два месяца и четырнадцать дней, ваше превосходительство.

- Да, так... самое трудное время для безобидного дележа, особенно если наскоро... не присмотришься основательно. Так ты того... присмотришь получше, подольше... какие там, в отца, какие – в мать. Делить будем завтра. Гм! Ты того... перед спаньем зайдешь... к окну... в угловой, где я всегда ночую, и все мне доложишь...

- Все уголки, ваше превосходительство, оследствую! Коли, что спрятано – доложу. Будьте без сум...

- Что спрятано? – вдруг остановился генерал.

- Щенки, либо щенок...

- Какие?

- Шельмины, какие, значит, получше...

- Болван! Как ты смеешь думать, что Иван Иванович спрячет щенков?! Пошел вон, старый дурак!

Назарыч повернулся к двери.

- Стой! Ты должен доложить мне в окно, какие щенки под Шельмой... Понимаешь? Ну, а теперь марш!

«Стара штука! – бормотал себе под нос старик Назарыч, выходя из дома. – Чтобы, значит, от ендакой суки да нашего Швырка щенка, что ни есть лучшего, да не затаить? Да какие же они тогда охотники! Генерал-то Чернилин целый, поди, хутор за Усладку Выжигину дал, а затаить – что! Да и Ермолай охулки на руку не положит. Оно, конечно, - усмехнулся Назарыч, - и мы тем же струментом деланы... Выручай и Урывка того... Да кто ж таких отдаст? Поищи-ка дураков!»

- Едут, едут, ваше превосходительство! – запыхиваясь, докладывал Чернилину лакей, - На плотину уж изволили въехать.

- Николай Алексеевич! – радушно протягивая руку, встречал Чернилин Баранова.

- Иван Иванович! Привел Бог свидеться! – приветствовал Баранов Чернилина, вылезая из экипажа.

Генералы троекратно облобызались, после чего Чернилин, подталкивая Баранова под локоть, непременно желал заставить его войти в дверь первым, но тот, отстраняясь, в свою очередь, наподдавал легонько плечом Чернилина, причем оба, толкаясь, вели разговор.

- Как доехали, генерал?

- Превосходно, ваше превосходительство, дорога отличная.

- Прошу! – выразительно указывал Чернилин на дверь.

- Как хозяин, - отстранился Баранов.

- Что на псарне? – подпихивал гостя под локоть Чернилин.

- Благодарю. Все благополучно, - нажимал Баранов хозяина плечом.

- Пометала ли Стрелка?

- Уж две недели.

- Николай Алексеевич, вы меня обижаете – пожалуйте!

- Ну, коли так – вместе! – и Баранов, обхватив за талию Чернилина, увлекал его в переднюю, откуда оба генерала уже без церемоний шествовали далее, в кабинет хозяина, где разговор о собаках совершенно прекратился, пока Ермолай с Назарычем не доложили, что помет от Шельмы состоял из стольких-то кобелей и сук. После этого доклада был назначен час для осмотра всех вообще щенков, и генералы завтракали и пили чай.

В назначенный час, не просрочив и минуты, оба генерала вышли в сад, и тут только начался разговор о щенках.

- Ну, как мой Швырок, не осрамился в детях? – с приятной улыбкой спросил Баранов.

- Гм! Эк-хе! – не то мычал, не то кашлял Чернилин. – Знаете, Николай Алексеевич, я того... пометом недоволен...

- Для меня это понятно, Иван Иванович, - Шельма совершенно не шла к моему кобелю; это вы настаивали на такой вязке.

- Как? Позвольте! Да ведь вы еще осенью сами предлагали Швырка к Шельме! – и Чернилин остановился.

- Я говорил только, что соединение пылкости Шельмы и силы и броска Швырка дало бы хорошие результаты.

- И предложили мне вязку...

- Только для вывода полевых собак, потому что и по кровям они не подходят.

- По кровям?! А кто же вязал у меня Летку с Поражаем, ваше превосходительство? Ведь он тех же кровей...

- И – ничего выдающегося, ваше превосходительство!

- ???

- ???

Несколько секунд оба генерала смотрят друг на друга как петухи, но в душе они прекрасно сознают, что их разговор был лишь «подходцем» и хитростью.

- Пойдемте, ваше превосходительство! – обиженным тоном приглашал Чернилин, - вот сюда, по этой тропочке.

- Не преувеличиваете ли вы, Иван Иванович? Так ли плох помет, как вам кажется? - примирительно говорил Баранов.

- Грубоголовы и прямостепы, а три в какой-то ежовой псовине...

- Верно, у этих трех головы, зато получше и собой они покрепче? – с едва уловимой иронией заметил Баранов.

- Как будто, как будто, но совсем ежовая псовина.

- Иван Иванович, отдайте мне их без дележа – я не придаю значения щенячьей псовине.

«Догадался!» - думал Чернилин.

«Подделал псовину» - смекал Баранов.

- Зачем же, зачем же! Вот увидим, кому какое счастье. Да вот они.

Оба генерала садятся на заранее принесенные из дома стулья и начинают внимательно созерцать щенков, которых подсвистывает и перезывает перед ними Ермолай. Назарыч стоит тут же; он словно прирос к липе, но, когда генералы встали и, увлекшись, присели

на корточки и зачмокали и засвистали сами, подманивая щенков, Назарыч тихо отступил за дерево и незаметно юркнул в глубь сада.

- Назар Потапыч, пожалуйста чайку испить! – раздалось вправо от Назарыча, едва он отошел шагов пятьдесят.

- Назар Потапыч, пивка покушать! – тотчас же послышалось и слева.

«Устерегли-таки, подлецы!» - внутренне выругался Назарыч, покорно отправляясь пить чай и пиво.

Между тем оба генерала, сидя на корточках, ласкали именно тех щенков, которые были похуже, и расхаивали весь помет, находя, что, действительно, они ошиблись подбором. Ермолай, без шапки, тоже на корточках, почтительно докладывал, что впервые видит от Шельмы таких мелких щенков.

- Завсегда от Шельмы к двум месяцам, вот какие бывали, - и рука его поднимается почти на аршин от земли.

Больше двух часов сидели генералы возле шалаша. Казалось, ни тому, ни другому не хотелось оставлять «для себя» ни одного щенка из этого «плохого» помета, и все вообще, и каждый щенок в отдельности, были расценены до мельчайших подробностей; особенно досталось белой сучке, красно-пегому и половому кобелям.

Обход других шалашей со щенками был совершен и гостем и хозяином почти молча, хотя некоторые из щенков бросались в глаза своим породным видом. Очевидно, все помыслы генералов были заняты предстоящим дележом.

За обедом генералы были веселы, но тщательно избегали разговоров о щенках. После обеда началась выводка старых и погодовавших собак.

Всех больше понравился Баранову чубарый Змей, небольшой, шестнадцативершковый кобель, точеной сухости, с замечательно приметистым задом, на пружинистых, словно взведенных курках, ногах, при недлинном пазанке. Кобель выглядел сурово, несмотря на то, что был еще только полуторником.

Долго осматривал его Баранов, обходя кругом, прося Ермолая тронуть, провести, повернуть. Чернилин в это время сидел молча и, как будто беззаботно попыхивал трубкой, но во взглядах, которые он изредка бросал на Баранова, светило торжество: он знал, что лучше Змея найти кобеля трудно и у Баранова такого не было.

Наконец, Змея увели. Воцарилось молчание. Баранов быстрыми шагами ходил по кабинету, досадливо отмахнувшись от казачка, подавшего ему трубку.

- Знаете, Иван Иванович, - вдруг остановился Баранов перед Чернилиным, - таких кобелей – раз, два и обчелся! Ноги-то ведь задние с такими пазанками, что будут делать! Ведь бросок должен быть чертовский. Сейчас, на ходу, и то кобель спину пружинит. Ну, батюшка, поздравляю! Чудный кобель... Вот бы мою Птичку со временем под него!

За полночь затянулась беседа двух страстных охотников. Много дельных замечаний было высказано обоими, и взаимное уважение к познаниям и страсти еще более закрепила эта долгая и откровенная беседа.

Чуть не до света пришлось ждать Назарычу под окном угловой комнаты, пока приподнялась штора и показалась голова Баранова.

- Ну, что? – шепотом спросил генерал.

- Оследствовал...

- Говори живей!

- Да под Утешкой – кормилкой больно три щенка хороши.

- И пусть! Нам-то что ж?

- Вылитые, значит, в Швырка.

- Болван! – и больше ничего!

- Кобель один – отметинка в отметинку. А Шельмины четыре – маслом намазаны и в пыли вываляны, изволили заметить?

- Видал. Они – самые хорошие.

- Ну, а под Утешкой – кормилкой и того лучше!

- Пошел спать, дурак! – и окно закрылось.

«И, когда это он рассмотреть успел?! – шептала чья-то фигура, вылезая из куста сирени, росшей недалеко от окна. – Уж, кажись, как следил и ребятам заказывал... Ну, и вор же, волк его заешь!» - и фигура, покачивая головой, тихо удалилась из сада.

- Э-э! – раздалось, было в доме Чернилина рано утром на другой день, но тотчас же осеклось на первых буквах привычного «эй»: Баранов вспомнил, что он не дома; но очевидно, его пробуждение караулили, так как камердинер Чернилина тотчас же внес в комнату таз и кувшин ледяной воды.

- Отлично, прекрасно! – восклицал генерал, подставляя голову под струю холодной воды. – На голову-то... так, братец, так! Теперь на шею... Расчудесно! Брр! – отфыркивался генерал.

- Бриться изволите, ваше превосходительство?

- Не черед, братец. А барин встал?

- Можно войти? – как бы в ответ раздался за дверью голос Чернилина.

- Можно, можно! Но я еще на военном положении.

На «военном положении» значило по-барановски, отсутствие всякого туалета.

- Как почивали?

- Прекрасно. А вы рано поднялись, Иван Иванович!

- Как всегда...

- Ваше превосходительство, побойтесь Бога: ведь только шесть часов, а вы встаете не ранее девяти. Вы заболели! – подсмеивался Баранов.

- Заболею, помру и оставлю вам Змея, - отшучивался Чернилин.

- Имея в виду такое наследство, я проживу у вас год и не буду давать вам спать целые ночи, - смеялся Баранов и, обняв Чернилина за талию, вышел с ним в кабинет, где уж был приготовлен чай.

На этот раз разговор прямо начался о дележе, который и стал обсуждаться самым подробным образом; но без щенков они не могли установить даже приблизительно раздела, почему щенки и были принесены в переднюю.

- Не поделить ли нам сначала худших? – потупясь спросил Чернилин.

- Пожалуй! – согласился Баранов.

- Их три: красно-пегий и половой кобели и белая сучка; стало быть – нечет, - надо еще сучку. Не присоединить ли красно-пегую? Тогда будет по паре.

- Не прочь.

- Следовательно, половой и белая – пара, оба красно-пегих щенка – вторая.

- Нет, позвольте, белая и половой – лучшие.

- Худшие! Вы сами вчера говорили.

- Нет, я так не согласен! Давайте лучше каждого на узелки.

- Лучше по билетикам, по жребию. Я пишу...

- Что вы такое пишете? Выходит два половых!

- Сбился... Ну, вот теперь так. Я свертываю. Степан, миску и салфетку! Тащите, Николай Алексеевич!

- Я предоставляю вам, как хозяину.

- А я вам, как дорогому гостю.

- Нет, уж вы...

- Пожалуйста, вы...

- Черт возьми! Да не томите вы меня китайскими церемониями! – вскипел Баранов.

- В таком случае, - обиженно проговорил Чернилин, - Ермолай, Танюшку!

Танюшка, дочь камердинера, девочка лет тринадцати, уже была наготове, так как генеральский дележ редко обходился без нее. Подталкиваемая отцом и Ермолаем, девочка не без трепета предстала пред генералами, молчаливыми и сосредоточенными.

- Миленькая, - ласково начал Чернилин, - просунь руку в миску и вытащи бумажку.

- Ты, девочка, не бойся, тащи одну, только одну бумажку, - в свою очередь поощрял Баранов.

Танюшка просовывает руку и вытаскивает билет, который оба генерала чуть не вырывают у нее из рук.

- Половой – мой! – восклицают оба генерала вместе.

- Как ваш?! – сливаются опять два возгласа.

- Да ведь Танюшка тащила для меня! – кричал Баранов.

- Позвольте, для меня! Вы отказались тащить первым!

- Для меня, ваше превосходительство, - вы мне наказывали!

- Но вы черкнулись. При такой несправедливости вы получите без жребия лучшего кобеля в помете!

- Как лучшего? Мы ведь делим худшего.

- Это – лучшие щенки.

- Вы сами их хаяли!

- Я не желал оспаривать вашего непонимания...

- Это я поддакивал вам, как гостю!

- В таком случае... в таком случае я дарю вам мою часть... и прощайте!

- Я не желаю ваших подарков и имею честь кланяться!

- Назарка, лошадей!

- Ермолай, сажай им в ящик всех щенков!

- Мне не нужны щенки – своих много!

- В таком случае я прикажу их повесить!

- И будете чиновником-живодером!!!

- А вы... вы – бурбон!!!

Картина.

У обоих мелькает сознание, что еще одно слово... и разрыв неизбежен. Чувство приязни берет верх.

- Мы, кажется, того... погорячились

- Ха, ха, ха! – принужденно хохочет Баранов, - горяченьки мы оба!

- Вы не сердитесь, Николай Алексеевич.

- Ну, вот еще, Иван Иванович, мало ли что вгорячах скажешь. Я с удовольствием предоставляю вам полового.

- Если он мой, позвольте мне его вам преподнести, - и Чернилин подносит Баранову щенка.

Генералы лобызаются.

- А я вам, Иван Иванович, пришлю кобеля от Летки.

- Что вы! Зачем, зачем!

- Нет уж, как хотите, а долг платежом красен.

- В таком случае, Николай Алексеевич, позвольте без дележа отдать вам белую сучку.

- Ни за что! Белая – ваша! Я беру и так полового и красно-пегого, лучших кобелей в помете.

- Худших... ха, ха, ха! – хохотал Чернилин.

- Ха, ха, ха! – вторил ему Баранов. – Не обделаете, ваше превосходительство!

- А ведь псовина-то ежовая! Ха, ха, ха!

- Пыльцу и маслице смоем-с! – хохотал Баранов, лаская полового щенка. – А тебе, старый плут, - обратился он к Ермолаю, - шиш за такие штуки!

- Как будет угодно, ваше превосходительство, только я тут не при чем, а блоха, значит, шибко завелась, - ну и смазал маслом постненьким.

- Блоха! Ах, плут! Ну, за изворотливость получай магарыч, - и Баранов протянул ему несколько ассигнаций.

- Покорнейше благодарю, ваше превосходительство! А как же остальных щенков, делить не изволите?

Генералы переглянулись.

- Остальных дели ты с Назарычем, - сказал Чернилин.

Баранов утвердительно кивнул головой.

После раннего обеда Баранов простился с Чернилиным, взяв с него слово, съехаться в сентябре.

Несколько ранее, проводив Назарыча со щенками, Ермолай сидел теперь в своей каморке и пересчитывал ассигнации, полученные на чай. Только он, да Назарыч знали, чьих щенков делили генералы в течение многих лет, горячась и ссорясь.